„НЕБЕСА“ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО И ДРЕВНЕРУССКИЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ

Христо Трендафилов

Известно, что перевод „Богословия“ Иоанна Дамаскина, осуществлен Иоанном Экзархом Болгарским в конце IX века в Болгарии, получил значительное распространение в древнерусской литературе. По нашим наблюдениям этот перевод, чаще всего называемый „Небеса“, сохранился только в русских списках; 75 из всех 80 списков „Небес“ описаны нами с археографической точки зрения. Теперь мы попытаемся выяснить вопрос о месте „Небес“ и его литературного окружения в книжном и в идейном репертуаре, центров древнерусской духовной жизни (XII - XVIII вв.).

А. Группы списков „Небес“

Из приведенных в указанной выше работе данных видно, что списки „Небес“ распространялись практически по всей территории Древней Руси в период XII - XVIII вв. При этом необходимо заметить, что рукописное окружение сочинения слагалось в определенную последовательность, и эта последовательность прослеживается в хронологическом плане. Есть основания утверждать, что в древнерусской рукописной традиции бытовали в основном четыре группы списков „Небес“, которые формировались в период XII - XV вв.

1. Списки, содержащие только текст „Небес“ и Предисловие Иоанна Экзарха к переводу сочинения Иоанна Дамаскина. Этот состав нашел отражение в наиболее раннем списке „Небес“ - Синод. 108 (155), конец XII в., ГИМ. По-видимому, он происходит из Владимира (или Ростова), хотя и первоначально был переписан в Киеве с недошедшего до нас болгарского списка.

От периода татаро-монгольского нашествия не сохранилось ни одного списка „Небес“. В конце XIV - нач. XV вв. в Троицко-Сергиевом монастыре, который тогда становится центром российского духовного возрождения были скомпонованы несколько рукописных сборников, содержащих текст „Небес“.

2. В старейшем списке из собрания Троице-Сергиевой лавры (121 (1655), конец XIV в., РГБ) и в списке Q.I.838, первой полов. XV в., (РНБ) сохранился особый, в целом ветхозаветный конвой сочинения. В первой из этих рукописей (N 1 по классификации Л. Садника в ее издании „Небес“, см: Садник, I, с. XI-XVI) конвой состоит из книги Исход, при этом в начале рукописи помещен Толковый апокалипсис Андрея Кесарийского. В списке Q.I.838, после списка „Небес“ следуют книги Царств и книга Есфирь. Список не учтен в издании Л. Садника; ни один из петербургских списков „Небес“, к сожалению, не учтен в этом, в целом отлично выполненом издании, поэтому мы больше не будем отмечать этого

факта. Надо полагать, что нахождение ветхозаветных текстов рядом с текстом „Небес“ было обусловлено желанием книжников дать читателям ключ к истолкованию библейских книг. Больше подобный состав не встречается в древнерусской рукописной традиции, однако, как увидим дальше, идея богословского ключа (в разных аспектах) сохранилась.

3. С рукописи 176 из собрания Троице-Сергиевой лавры, второй полов. XV в. (N 5 по классификации Л. Садника) начинается самый распространенный состав древнерусских сборников с текстом „Небес“. Этот состав сохранился в более чем 35 списках и включает в себя следующие сочинения.

- Житие Иоанна Дамаскина, написанное Иоанном, патриархом антиохийском.
- „О восьми частях слова“ Псевдо-Дамаскина (т. е. Грамматика Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха).
- Послание Иоанна Дамаскина Козьме Маюмскому.
- „Диалектика“ Иоанна Дамаскина.
- Предисловие Иоанна Экзарха к „Небесам“.
- „Небеса“.

Очень близко к этому составу стоят все остальные списки Троице-Сергиевского собрания, часть списков Московской духовной академии (МДА), Кирилло-Белозерского монастыря, два списка из собрания Егорова (612 и 625).

Самый полный вид (и несколько отредактированный - по отношению к „Диалектике“) этот состав получил в списке митрополита Даниила (Волоколамское собр. 490, 1542-1543 г.)

4. В второй половине XV в. опять же в Троице-Сергиевом монастыре был скомпонован и другой сборник с текстом „Небес“, который впервые зафиксирован в рукописи 145 из собрания Московской духовной академии. Эта рукопись содержит „Шестоднев“ Иоанна Экзарха с предисловием автора, „Небеса“ с Предисловием Экзарха (здесь в качестве послесловия) и трактат „О письменех“ Черноризца Храбра. Этот состав сохранился в четырех списках и не получил особого распространения в рукописной традиции. Ни один из этих четырех списков не учтен в издании Л. Садника.

5. В XV в. в рукописных сборниках „энциклопедического“ характера встречается очень значительная по численности глав, (от 12 до 16) и по исправности текста подборка из „Небес“. Эти главы имеют преимущественно естественно-научную направленность. Однако, несмотря на дальнейшее распространение сборников этого вида, в XVI в. они уже не включают в себя подборки из „Небес“. Надо еще раз подчеркнуть, что древнерусская рукописная традиция „Небес“ вплоть до XVIII в., воспроизводит в более или менее аналогичном виде эти рукописные сборники и прежде всего тот состав, который включает статьи „О восьми частях слова“ и „Диалектику“ (Философию). Различия (при чем не так значитель-

ные) существуют только по отношению добавочных (маргинальных) сочинений и статей: одни из них имеют грамматико-филологическое содержание, а другие - философско-экзегетический характер. Основными центрами составления и переписывания указанных рукописных сборников были Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский и Соловецкий монастыри. Списки, конечно, делались и в других очагах книжной деятельности - в Антониево-Сийском монастыре, в Белой Кринице и других старообрядческих районах (правда - очень редко). Нас, однако, интересуют прежде всего те духовные и культурные центры, которые занимали наиболее важное место и в становлении и развитии древнерусской книжности и литературы, и в динамике средневековых философских и социальных идей и общественных настроений. Поэтому сначала рассмотрим главные центры распространения и сохранения сочинения Иоанна Дамаскина и его место в культурных процессах в России в период XII - XVII вв.

Б. „Небеса“ в древнерусской письменности домонгольского периода.

К этому периоду относится только старейший список „Небес“ - Синод. 108 (155). В рукописи нет конкретных свидетельств о времени и месте ее написания. Вкладная запись патриарха Никона на л. 1 говорить лишь о судьбе рукописи в XVII в.: в 1661 г. она находилась в Московском Кремле и была положена им в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Рукопись поступила в патриаршую ризницу в 1675 г., так как ее нет в Описи рукописей Воскресенского монастыря 1680 г. (Амфилохий, 1876). Именно в патриаршей ризнице рукопись была найдена К. Ф. Калайдовичем в 1813 г.

В отсутствии прямых исторических свидетельств о первоначальном написании рукописи, очень существенной на наш взгляд является ее искусствоведческая характеристика. Г. Н. Вздорнов, например, связывает создание рукописи с деятельностью владимирских или ростовских (что менее вероятно) книжников и иллюстраторов. Действительно, рукопись датируется на рубеже XII - XIII вв., т. е. во время расцвета города Владимира. Как известно, в 1157 г. князь Андрей Боголюбский сделал Владимир столицей Северовосточной Руси и много способствовал для его воздвижения как культурного центра. Его дело продолжил князь Всеволод Большое Гнездо. Многие рукописи были доставлены во Владимир (и прежде всего во Владимирский Успенский собор) из Киевского Вышгорода. Думается, что в Успенском соборе находились наиболее значительное количество древнерусских и староболгарских рукописей. Вполне возможно, что во Владимир привез рукописи и Симон, игумен Владимирского Рождественского монастыря (1214-1227), выходец из Киево-Печерского монастыря (см.: Вздорнов, 1980, с. 13). Разительное впечатление производит почерк рассматриваемой рукописи - крупный, торжественный и очень выразительный устав. Почерк совершенно согласен с почерком других двух замечательных

рукописей того же времени - „Учительного евангелия“ Константина Преславского (Синод. 262, ГИМ) и Иполитовского сборника (Слова Иполита о Христе и толкования двух слов из книги пророка Даниила - Чудовское собр. 12, ГИМ). „Учительное евангелие“ предваря-ется миниатюрой болгарского князя Бориса - Михаила крестителя, а Иполитовский сборник - миниатюрой болгарского царя Симеона. Вполне возможно, что и старейший список „Небес“ в переводе Иоанна Экзарха предварялся миниатюрой князя (какого - трудно сказать, так как сочинение видимо было переведено во время правления проязычески настроенного Владимира). В частности, Г. И. Вздорнов (1980, с. 17) обращает внимание на тот факт, что первый лист рукописи вырезан, и она начинается практически вторым листом, украшенном лишь большой заставкой. По сути, ранние славянские миниатюры являются светскими и их трудно связать с содержанием рукописей. Совершенно аналогичное явление наблюдается и в оформлении Изборника 1073 г. и византийских рукописей императорского двора. Поэтому, есть достаточно основания связать написание рукописи не с кафедрой ростовских епископов, а с придворной великокняжеской средой, т. е. с Владимиром. Вообще говоря, наличие светских миниатюр в рукописях всегда является специфическим признаком княжеских придворных книжно-художественных школ. Это характерно для всех православных столичных центров: Константинополя, Преслава в X в. (и потом для Тырнова в XIV в.), Киева в X-XI вв. Таким образом, пиетет владимирских книжников и иллюстраторов к светским сюжетам хорошо выписывается в существующую византийско-славянскую традицию.

Однако, назвать конкретно русского князя - заказчика трудно, хотя и в науке высказывались предложения. Возможно, что это был сам князь Всеволод Большое Гнездо (1177-1212), или его старший сын Константин. Константин был князем ростовским, а с 1216 г. - князем владимирским. Все эти перемещения (князей, епископов, монахов, мастеров), которые очень характерны для древнерусской церковной, общественной и культурной жизни, во многом способствовали взаимному обогащению литературы отдельных книжных центров.

Итак, мы располагаем фактически лишь одним списком „Небес“ домонгольского периода древнерусской литературы. Однако есть некоторые косвенные свидетельства о существовании других списков сочинения. В частности, на это указывает подборка из 16 глав „Небес“, которая сохранилась в сборнике XVI в. из собрания Погодина 1032 (РНБ). Как убедительно показала Т. Н. Копреева (1983, с. 93-100; ср. Копреева, 1996, с. 14-23), в ряде случаев текст этой подборки содержит более полные и правильные (с точки зрения греческого оригинала „Богословия“) чтения, по сравнению с синодальным списком. Если этот факт покажется дискуссионным (правка могла произойти и на славянском юге в XIII - XIV вв. и прийти потом на Русь), то включение отрывка из 40 главы „Небес“ в „Сказание о Борисе и Глебе“ уже более определенно говорить о наличии

другого древнего списка сочинения Иоанна Экзарха; тем более что впервые этот отрывок читается в известном Успенском сборнике XII в. (конкретное сопоставление соответствующих текстов: Трендафилов, 1998[a], с. 90-91).

В. „Небеса“ в древнерусской письменности XIV - XVI вв.

С основанием Троице-Сергиевского монастыря в XIV в. и с многосторонней деятельностью преподобного Сергия Радонежского были заложены основы новых явлений в жизни русской церкви, государства и культуры. Сергием Радонежским, его учениками и последователями была построена одна четверть всех русских монастырей в XIV-XV вв. - от Северной и Северно-Восточной России до Пермской и Вологодской областей. Неслучайно в древней записи о смерти преп. Сергия он назван „начальником и учителем всем монастырем, иже на Руси“. Если в политическом отношении роль Троице-Сергиевого монастыря можно сравнивать с ролью Москвы, то в духовном отношении его значение сопоставимо единственно с значением Афона и Константинополя (и в частности, Студийского монастыря). С другой стороны, однако, Сергий являлся и наследником русской традиции Феодосия Печерского, не говоря о том, что его, как и вообще всех основателей монастырей иногда сравнивают с древнерусскими эпическими героями. Многосторонней была и деятельность учеников Сергия, которая часто связывается с несколькими монастырями. Так преп. Мартиниан (1447-1555), постриженик Кирилло-Белозерского монастыря, был основателем Вожеозерского монастыря и игуменом Троице-Сергиевского и Ферапонтова монастырей (Шевченко, 1991). Сам Кирилл Белозерский вышел из Симонова монастыря в Москве, основателем которого был Федор, ученик Сергия Радонежского (см. подробнее: Горский, I, с. 54-61 и 195-208).

Особенно важна для всей дальнейшей русской духовной жизни оказалась древнехристианская идея о монашеском общежительстве. Она находит выражение (хотя и с разных позиций) в Уставах общежительной жизни Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого и др. основателей монастырей. По этому поводу П. А. Флоренский пишет „Общежительство ... знаменует всегда духовный подъем; таковым было начало христианства, начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр какового возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после крещения Руси, и начало Руси Московской, опять-таки приобщившейся новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития... Идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве ... всегда столь близкая русской душе ... была воодружена и воплощена в Троице-Сергиевой лавре Преподобным Сергием...“ (Флоренский, 1991, с. 162).

Троице-Сергиевский монастырь был и важным центром литературной деятельности. Примечательно, что Сергий требовал от братии

наряду с телесными трудами усердного чтения (этого же требовал потом и препод. Кирилл Белозерский).

Существенную роль сыграли и контакты монастыря с Москвой, с другими русскими монастырями, с славянским югом и с Византией. Известно например, что архидьякон Зосима посетил в 1420 г. Константинополь и Иерусалим. Среди многочисленных книжников и писателей, работавших в Троице-Сергиевском монастыре, можно указать на Епифания Премудрого, автора жития и „Похвального слова“ Сергия Радонежского, на иеромонаха Пахомия Серба (Логофета), на прожившего свои последние годы в этом монастыре Максима Грека (см.: Горский, II, с. 11-15). Подъем русского национального сознания после свержения татаро-монгольского ига, интенсивная церковно-строительная, книгописная и литературная деятельност, связь с славянским югом, восприятие и осмысление новых богословских идей и литературно-переводческих принципов (исихазма, исправления книг, стиля „плетение словес“) вновь подняли интерес к патристике, точнее говоря - к славянским переводам святоотеческих сочинений. В Троице-Сергиевом монастыре были переписаны практически все существующие славянские переводы патристических сочинений. Именно здесь возобновляется - после длительного двухвекового перерыва и рукописная традиция „Богословия“ Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха („Небес“). Видно, что значение этого основополагающего богословского сочинения хорошо осознавалось в эпоху восстановления православного патристического фонда. Как уже говорилось, в Троице-Сергиевском монастыре были скомпонованы все три основных рукописных сборника, содержащие текст „Небес“. При этом эти сборники создавались в определенной хронологической последовательности, что указывает на разные прочтения „Небес“ древнерусскими книжниками, на разные понимания его многосторонней тематики.

Первый сборник, как уже говорилось, представлен двумя списками: 121 из собр. Троице-Сергиевой лавры и Q.I.838. В них наряду с „Небесами“ помещены ветхозаветные книги, к которым - как можно полагать - сочинение Дамаскина служило экзегетическим ключом. По-видимому, состав этого сборника не удовлетворял книжников и заказчиков, так как включал только отдельные библейские книги и он скоро меняется другим сборником. В его основу легли переведенные на славянском юге и потом перенесены в Россию сочинения: „О восьми частях слова“Псевдо-Дамаскина и „Диалектика“ Иоанна Дамаскина. К ним были присоединены и Житие Иоанна Дамаскина, написанное Иоанном, патриархом антиохийским, а потом и другие статьи типа Определения философии Константина-Кирилла (далее - ОФК).

Следует отметить, что в XIV веке на славянском юге был осуществлен и полный перевод „Богословия“, но в древнерусской рукописной традиции его нет. В рукописи 176 из собрания Троице-Сергиевой лавры зафиксирован древнейший русский корпус сочинений Иоанна Дамаскина,

поскольку не только „Небеса“, но и „Диалектика“ является одним из древнейших (если не древнейшим) русским списком (см.: Гаврюшн, 1986, с. 279-280). Указанный корпус сочинений Иоанна Дамаскина превалирует среди остальных подборок, включающих „Небеса“, можно сказать, что она и является тем идеальным списком - эталоном, на который ориентировалась древнерусская философско-догматическая традиция - 39 списков „Небес“сопровождаются „Диалектикой“, а 37 - сочинением „О восьми частях слова“. К этому надо добавить, что богословское и философское начало, которые составляют единный корпус в этих списках, с XV века начали существовать и в отдельном виде. Этот факт особенно заметен в списках „Диалектики“; в 110 списках она переписывалась самостоятельно, т. е. без „Небес“ (но вместе со статью „О восьми частях слова“).

Таким образом, в Древней Руси сосуществовали две концепции о месте философии в системе христианской образованности.

1. Концепция, согласно которой богословие и философия могли существовать совместно[1]. Она имеет патристические основания и по-видимому, ведет свое начало от самого сочинения Иоанна Дамаскина „Источник знания“. Эта концепция находит выражение во всех списках, включающих в себе и „Небеса“ („Богословие“) и „Диалектику“, т. е. основные части „Источника знания“.

2. Концепция, которая дает философии определенную степень автономии. Она представлена в тех списках „Диалектики“, в которые это сочинение помещалось самостоятельно, без „Небес“.

В Троице-Сергиевской лавре был создан и другой рукописный сборник с текстом „Небес“; он помещен в рукописи 145 собрания Московской духовной академии. Этот список включает в себе Предисловие Иоанна Экзарха к „Шестодневу“ и сам „Шестоднев“, „Небеса“ (подборка из 48 глав, без 6 обычных дополнительных статей), Вопрос Козьмы Индикоплова, Предисловие Экзарха к „Небесам“, затем уже следуют и указанных выше 6 глав и наконец, переписан и текст трактата Черноризца Храбра „О письменех“. Это, по сути старейший русский список сочинения Храбра, в конце которого читается примечательная фраза **сѫтъ бо єщє живи, иже сѫть видѣли ихъ**, т. е. ко времени написания трактата были еще живыми те, кто видели Кирилла и Мефодия. Фраза староболгарского писателя рассматривалась много раз с разных точек зрения (см.: Куев, 1967, с. 26-28). Для нас она важна с точки зрения датировки этого рукописного состава в целом: указанные слова Черноризца Храбра говорят о глубокой древности всего рукописного состава. Можно полагать, что этот состав был скомпонован в Болгарии в X веке и потом перешел на Афон, откуда и был перенесен в Россию с

[1] Эта концепция вовсе не учтена Д. М. Буланиным в его фундаментальном исследовании „Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв.“ (Буланин, 1991, с. 9-95).

„вторым южнославянским влиянием“. Необходимо заметит, что и „Шестоднев“ ИоаннаЭкзарха, и трактат Черноризца Храбра отсутствуют в древнерусской рукописной традиции домонгольского периода.

С другой стороны, для южнославянских литерур XIV в. очень харатерны переводы (и составление) корпусов сочинений одного автора, напр. Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита (см.: Прохоров, 1987, с. 5-59). А рассматриваемая рукопись - это не что иное как корпус сочинений Иоанна Экзарха. Даже если „О письменех“ не принадлежало перу Экзарха (как утверждал в свое время Г. Ильинский (1917, с. 151-156), по своей тематике это сочинение стояло очень близко к Предисловию Экзарха к „Небесам“, а по своей форме (трактат о письменах) естественным образом примыкало к энциклопедическим статьям в „Небесах“. Если „Шестоднев“ и „Небеса“ предлагали натурфилософское и богословское истолкование мира и человека как его венец, то включение трактата Черноризца Храбра, по-видимому, обусловлено стремлением средневековых книжников показать историю славянской письменности на фоне грандиозной картины вселенной и ее творца, Бога.

Не исключено, однако, что этот достаточно интересный для исследователя сборник был составлен в Троице-Сергиевой лавре на основе старых болгарских текстов. Сам факт, что в лавре были составлены три различных состава с „Небесами“, говорит убедительно о том, что в ней шла очень интенсивная книгописная и литературная работа, в которой имели место разные мнения. Повидимому, в лавре в XIV-XV вв. в значительной степени осуществилась та русская рецензия южнославянского наследия, которая сохранилась почти в неизменном виде вплоть до реформ патриарха Никона в XVII в. Что касается интереса к истории славянской письменности, то он достаточно заметен по многочисленным спискам трактата Черноризца Храбра, „Азбучной молитвы“ Константина Преславского и по спискам древнерусского компилятивного сочинения „Сказания о славянской письменности“, которое - начиная с XV в., очень часто встречается в Толковых Палеях, толковых евангелиях, хронографах, азбуковниках и других сборниках. (См.: Иванова, 1971, с. 105-114; Климент Охридски, III, с. 47-56). Однако, в целом и этот состав не оставил заметных следов в древнерусской рукописной традиции и это объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Видимо, из-за своей емкости, он трудно и неохотно переписывался и, таким образом, не имел текстовой мобильности и гибкости. Более того, в содержании „Небес“ и „Шестоднева“, как мы уже показали, обнаруживается немало сходства и это приводило к некоторой повторяемости. Тем не менее, с этим составом (МДА 145) можно связать и несколько других рукописей:

- БРАН, N 17.16.14.,1487-1488 г.: „Тактикон“ Никона Черногорца, „Небеса“, „Шестоднев“ Иоанна Экзарха;

- РГБ, N 619 собрания Егорова, конец XV в.: „Шестоднев“, „Небеса“, Духовная грамота митрополита Киприана и отрывки из Козьмы Индикоплова;

- РГБ, N 86/42-1975 собрания Гранкова, втор. полов. XVI в.: „Небеса“, „Шестоднев“, „Диоптра“ Филиппа Пустынника.

Все перечисленные списки содержат „Шестоднев“ Иоанна Экзарха и перевод „Богословия“ того же книжника, но ни в одном из них не помещен трактат Черноризца Храбра. Он заменен такими крупными сочинениями как „Тактиконом“ Никона Черногорца и „Диоптрой“ Филиппа Пустынника (Монотропа). Следует специально отметить тот факт, что „Диоптра“ получила большое распространение на Руси и сохранилось в более 160 списках. По словам ее современного исследователя „Смело можно сказать, что ни одно из переводных и оригинальных сочинений, составляющих древнерусскую литературу, не давало такой количества знаний о человеке, как „Диоптра“ (Прохоров, 1987, с. 63). О первенстве „Диоптры“ в области знаний о человеке, конечно можно спорить. Но если учтем тот факт, что большое количество знаний о человеке содержится и в „Небесах“ и „Шестодневе“, то можно уверено сказать, что в списке из собр. Гранкова 86/42-1975 сохранилась настоящая древнерусская антропологическая энциклопедия, отражающая уровень знаний о человеке в Московской Руси. Наличие „Небес“ в этой антропологической энциклопедии еще раз показывает многообразие его восприятия древнерусскими книжниками. С увеличением количества списков „Небес“ в XV-XVI вв. расширяется и их географический диапазон распространения. Так например, список Д. 181 из Архангельского собрания (БРАН) происходит из библиотеки Антоние-Сийского монастыря в Северной России и датируется первым десятилетием XVI в. Однако, этот монастырь основан Антонием Сийским в 1520 г.; да и само заглавие „Небес“, и его литературный конвой указывают на сильную зависимость этого списка от Троице-Сергиевских списков 176 и 121. Сопоставим заглавий.

Тр. Серг. 121: **Книга о бз҃ѣ починаѣться**

Тр. Серг. 176: **Книгѣ гл҃еме нб҃са**

Арханг. Д.181, л. 3: **Книга Небеса ѡ боз҃ѣ починаетсѧ с҃тго Їѡанна Дамаскина**

Естественно, список попал в Антониево-Сийский монастырь после его основания (об этом монастыре см. подробнее: Денисов, 1908, с. 31-34), что в очередной раз доказывает основополагающее значение троице-сергиевских списков „Небес“ для дальнейшего распространения этого сочинения на Руси. Это в полной мере относится и к такому крупному древнерусскому религиозному, культурному и политическому центру как Иосифо-Волоколамский монастырь. Согласно Описям рукописей этого монастыря, составленным соответственно в 1573 и 1599 г., в монастырской библиотеке числилась 923 и 1112 томов (Турилов, 1977, с. 71-75).

Среди многочисленных рукописей, писанных в монастыре, для нас наиболее значительный интерес представляют N 135 (490) Волоколам-

ского собрания. Она написана в своей первой части митрополитом Даниилом (1542-1543 гг.) после того, как он бы вынужден оставить митрополичью кафедру и возвратился в свой родной монастырь. В монастыре шла (в XV-XVI вв.) большая редакторская работа, и сам Даниил, в частности, отличался редакторскими способностями. Как убедительно показал Б. М. Клосс, митрополит Даниил был редактором крупнейшего русского летописного свода - Никоновского; таким он выступает и в рассматриваемой нами рукописи 135 (490), вернее - в принадлежащей ему первой части. Напомним еще раз ее состав: Предисловие Иоанна Экзарха к Небесам", „О восьми частях слова", Послание Иоанна Дамаскина Козьме Маюмскому, „Диалектика", Оглавление „Небес", Предисловие Экзарха (второй раз), Определение философии Кирилла, „О восьми частях слова" (второй раз), „Небеса" (58 глав), различные статьи, среди которых „Состязание в Иерусалиме о вере христианской и законе еврейском".

Исследователь текста „Диалектики" Н. К. Гаврюшин справедливо утверждает, что Даниловская редакция этого сочинения основана на двух старейших Троице-Сергиевских списках - 176 и 177 (Гаврюшин, 1988, с. 360-361). Тоже самое можно сказать и о „Небесах" в Волоколамском списке 490. Сопоставим заглавия „Небес" в указанных списках:

Троице-Серг. 177: **Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Їо(ан)на, монаха и просвитера Дамаскина, книга глаголаемаꙗ Нєбєса** (л. 157).

Волокол. 490: **Преподобнаго и бг҃оно҃го ѡ҃ца нашєго Їѡанна монаха и прєѕвитера Дамаскина книга гл҃ма нб҃са** (л. 59).

Что касается редакторской работы, проделанной Даниилом в этой рукописи, то она затрагивает непосредственно три сочинения: Предисловие Иоанна Экзарха к „Небесам", „Диалектику" и Определение философии Кирилла (ОФК). Остановимся на этом вопросе, так как он имеет отношение к восприятию философии в монашеской иосифлянской среде.

Прежде всего Даниил отредактировал Предисловие Экзарха и этот факт отмечен еще К. Ф. Калайдовичем: исследователь параллельно опубликовал текст Предисловия по древнейшему списку (Синод. 108) и по списку Даниила (Волок. 490): см. Калайдович, 1824, с. 129-131. Приведем самые характерные отрывки.

Синод. 108	Волокол. 135 (490)
Понєжє б҃у҃бо сѧтыи чєловѣкъ бж҃ии къстѧтинъ философь рєка	**Понеже ꙋбо с҃тыи прмр҃ѣи бжїи чл҃кь, Коньстѧнти҃н философъ,**

мьногы трогоудоы прия, строя писмена словѣньскыхъ кънигъ и отъ евангєли и ап(с)ла прѣлага изборъ, ликоже достиже живый въ мирѣ сємь тьмнѣмь, толикоже прѣложь...

Миноувъшоу же нѣколикоу лѣтъ, чьстьныи и чл҃вкъ доуксъ чрьноризъць прилеже мънѣ, дохожьшоу мї на присѣщиние его, вєлиами и моля прєложити оучитєльска съказаниа, и въспоминаа ми рече: попови что єсть ино дѣло разѣ оученьа? да ельма же єси слоужьбоу тоу приалъ, то и сє ми ноужда єсть дѣлати...
(Cadnuk, I, с. 6-8; л. 3в-4а)

любомдръствовавъ и гл҃авъ. многи труди любопрємдрыство-вавъ, показа ѿ єллинска ѧзыка въ словенскии ѧзыкь оустроаѧ и прєлагаа писанїа словенскихъ книгь, ѿ єѵг҃лїа и ѿ апс҃ла, прєлагаа съборнѣ єлико он достиже в мїрѣ сємъ лукавъмъ и тємнѣмъ и маловрємєнѣмъ, толико и прєложи...
Минувшихъ нѣколико лѣтъ, чтнѣиси҃ши. иноко҃ дуксъ прилежаше мнѣ ходившюми на посѣщиє҃нє є҃г молѧ и глѧ, и повелѣваше ми оучитльскаа сказанїа прєложити и въспоминаа ми рєч҃, єлма убо сщ҃єнником что єс҃ ино дѣло разѣ оученїа и понеже єси бж҃їє блг҃дтї сщ҃єнноє служє҃нє прїаѧ҃ быти ти служитєлю хв҃у, сщєнствующа, слово бж҃їє и мно҃г различныхъ имаши въ учичтс҃вѣ, и авїє истѧзуємъ єси ако сщ҃єнникъ нє то чиа своє житє исправлѧти, но и инѣ учити и исправлѧти ѿ бжс҃твєныхъ писанїи, а нє ѿ плоть скаг мрдовань а єлмаж по бз҃ѣ твориши и глєти и учиши нужа тносҁ и сїа творити ако҃ж лѣпо єс҃ службѣ твоєси...
(л. 2-2б)

В первом отрывке Даниил подчеркивает, что Константин является философом, а во втором передает слова Дукса от своего имени.

Это настоящая мистификация в монашеском духе: видимо, поведение довольно влиятельного монаха Дукса было особенно близко Даниилу.

В своем списке „Диалектики“ Даниил внес несколько дополнений, которые хорошо иллюстрируют отношение к философии в монашеских кругах. В принципе эти дополнения очень существенны, так как славянские книжники очень редко отваживались редактировать философские и богословские сочинения, тем более принадлежащие отцам церкви. Это они делали в исключительных обстоятельствах, в роковых для церкви и государства моментах, в обстановке затяжных идейных споров. Действительно, в XVI в. (как и в предидущем XV в.) в русском обществе шла бескомпромиссная борьба идей, которая не могла не затронуть и понятий о философии. (Именно в главу „О философии“ внес свои добавления Даниил). В частности, у Максима Грека намечается более широкое и (более научное - с нашей точки зрения) понимание философии и связанной с ней грамматики. Поэтому можно полагать, что Даниловская редакция „Диалектики“ являлась репликой на философские взгляды Максима Грека; вместе с тем, Даниил не разделял и грамматические взгляды афонского монаха и неслучайно в Волок. 490 древнейшее славянское грамматическое сочинение „О восьми частях слова“ переписано два раза (об идейном конфликте между митрополитом Даниилом и Максимом Греком в 20-30-ые годы XVI в. см. более подробно: Трендафилов, 1998[a], с. 105-107).

Итак, в главе „О философии“ „Диалектики“, Даниил делает некоторые многозначительные добавления, на которые уже обращалось внимания в науке; из них мы приведем наиболее характерные: **...чаниже ся философии и философствуваи, да съблюдает твердѣ и добрѣ православную вѣру Христову и божественна его заповѣдь, и всегда угодная ему да творит, пребываа выну въ чистотѣ душевнѣи и телеснѣи... Истинии же духовнии философи не по плотская мудрыствуют, и не по плоти ходят, но по духу... И начало премудрости страх бо госпдень... Положи убо въ души своеи умри въ благихъ подвизѣх, неже отступати животнаго сего взыскания... Всячески потщиемя духовно любопремудрьствовати... сиа есть истинская философиа... и тако съ въздержанием, и смирением, и с чистою душевною и телесною, и о словесѣх философии трудолюбьствующие посмотрим** (Гаврюшин, 1988, с. 359-360).

Примерно такое же понимание философии достаточно заметно и в Даниловской редакции ОФК: и там, как в только-что приведенном отрывке, философия есть в первую очередь „страх господень“. И в „Диалектике“ Иоанна Дамаскина, и в Житии Константина-Кирилла (ЖК) помещены дефиниции, в которых делается акцент прежде всего на категорию „разума“.

„Диалектика“: **Философиа ѥ͡с разꙋмь соущихь, по кмоуже соущиа соуть, сирѣч разоумь соущи(χ) ѥст͡ва и пакы философиа ѥ͡с разоумь бж͡ственыихь же и ч҃лвчскыихь вещеи, сирѣч видимыхъ и невидимыхь...** (Вайер, 1969, с. 18).

ЖК: **„Бжїимь и чл҃чьскыим вещємь разоумь, єлико може͡т ч҃лкь приближити се б҃ѣ...** (Климент Охридски, III, с. 91).

Близко к житийной редакции ст0ит и ОФК в других списках - напр. в Мазуринск. 642, РГАДА. Однако, в своей редакции определения философии Даниила выдвигает на передний план не категорию „разума“, а категорию „страха“. Как видно из следующего отрывка из Даниилово редакции определения философии, „разуму“ уже отводится лишь шестое место: **Блажн҃ыи Констѧнти͡н Философь въпросимь бывь ѿ схоластика логофета. Варасихїа Кїарта. что є͡с философїа, ѿвѣща, и ре͡ч҃є философїа є͡с страх г҃нь. философїа є͡с добро^тє^ное жи͡тє. фило͡сфїе є͡с ѿбжанїе ѿ всѧко͡г грѣха. Философїе є͡с ѿлученїе ѿ всего мира. Философїа є͡с любо͡в непрестаноа к б҃гꙋ. философїа є͡с б҃жїимь вещє͡м и чл҃ски͡м разꙋ͡м бл҃госмотрєливъ и єлико ч҃лкь може͡т бл҃гими дѣлы приближити͡с б҃гꙋ...** (л. 55). Другими словами, философия в понимании митрополита Даниила есть:

1) страх господен;
2) добродетельная жизнь;
3) избежание всякого греха;
4) отлучение от всего мира;
5) непрестанная любовь к Богу;
6) благочестивое знание (разум) божественых и человеческих вещей.

Даже в последней части дефиниции, в которой Даниил и воспроизводит определение философии в ЖК, он внес два своих добавления: **разꙋ͡м**, но **благосмотрєливъ...** и **дѣлы**, но **бл҃гими.**

Значительный интерес в период XV - XVI вв. представляют и сборники с подборками глав из „Небес“. По численности глав и по своему содержанию вообще, наиболее характерными являются четыре сборника: Погод. 1032, XV в., РНБ (19 глав); Синод. 316, XV в., ГИМ (13 главы); Епарх. 367, кон. XV в. (отрывки из разных, преимущественно натурфилософских глав „Небес“), ГИМ; Q.I.221., XVI в. (6 глав), РНБ. На самом деле, Синод. 316 происходит из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, а Епарх. 317 - из Иосифо-Волоколамского. В состав этих черезвычайно характерных для древнерусской книжности XV - первой пол. XVI в. сборников входят самые разнообразные сочинения или отрывки из сочинений - полемические, естественнонаучные, богословские, хронографи-ческие и т. д. По своей форме они сильно напоминают Изборник 1073 г., а по своему содержанию - скорее всего Изборник 1076 г.

Необходимо заметить, что в последние годы „энциклопедические“ сборники привлекают к себе внимание многих как русских, так и зарубежных исследователей (Н. Н. Розова, Р. П. Дмитриевой, Т. Н. Копреевой, К. Ивановой, Д. Буланина, И. В. Левочкина, В. Федера)[2]. После тщательного изучения ряда древнерусских сборников, которые кстати говоря, далеко не закончено, были определены их главные специфические признаки: 1. Универсальность содержания. 2. Наличие общих с другими сборниками статей. 3. Обилие фрагментарных статей и извлечений из более объемных сочинений (в Погод. 1032 их свыше 150; тогда как в Изборнике 1073 г. их 425). 4. Наличие двух или трех писцов, причем обычно одному из них отводится роль редактора, или лучше сказать, справщика. Видимо, он лучше остальных разбирался в сложных, запутанных и подчас малопонятных местах рукописей, с которых списывался текст (Дмитриева, 1972, с. 150; Копреева, 1976, с. 80). Эти сборники постепенно пополнялись владельцами (писцами и дьяками), и имели несколько небрежное внешнее оформление (Дмитриева, 1974, с. 203). С другой стороны, в составлении и переписывании сборников чувствуется определенный профессионализм. Составители и переписчики стремились воспроизводить точно древнейшие редакции переписываемых ими сочинений, соблюдать архаическую пунктуацию и орфографию.

Особое место среди весьма разнообразных статей в сборниках занимали статьи о природе, человеке, космосе, флоре, фауне. В мировоззрении древнерусского книжника (и человека вообще) XV в. видимо произошли заметны перемены - он переполнен любопытством к окружающему миру. Ответ на ряд вопросов средневековый человек мог найти в „Небесах“ и поэтому в некоторые сборники были включены значительные подборки глав из этого сочинения. При этом само расположение глав недвусмысленно указывает на интересы и вкусы составителей. Примечательно например, что в Погод. 1032, в самом начале сборника помещены естественно-научные главы „Небес“ (гл. 12-18, л. 4-25) и только в конце сборника (л. 199-204) книжники „нашли место“ собственно догматическим главам (гл. 1-8). Совершенно аналогичную направленность имеют и сборники известного книгописца Ефросина, инока Кирилло-Белозерского монастыря (Кир.-Белоз. 22/1099 и Кир.-Белоз. 9/1086 - см. Каган, Понырко и Рождественская, 1980, с. 7-144, где эти сборники очень подробно описаны). Однако, несмотря на удивительную разносторонность тематики ефросиновских сборников, в них нет глав из „Небес“. По-видимому, в Кирилло-Белозерском монастыре в XV в. не было списка „Небес“, на что указывает и Описание рукописей этого монастыря, составленное в конце XV в. (Никольский, 1897). Очень близко к энциклопедическим сборникам стоят и два других известных сборника -

[2] См.: Розов, 1969; Дмитриева, 1972; Дмитриева, 1974; Иванова, 1977; Иванова, 1979; Иванова, 1986; Копреева, 1976; Копреева, 1980; Федер, 1982; Левочкин, 1985; Буланин, 1990, с. 161-178; Копреева, 1996, с. 14-184.

Кирилло-Белоз. 10/1087 и Мелецкий м./п. 119. Первый из них не содержит глав из „Небес“, но вместо них включает „Диалектику“ и „О восьми частях слова“; что касается Мелецкого сборника, то он представляет собой грандиозную „компиляцию из компиляций“ и, по мнению В. Федера, содержит протограф Изборника 1076 г. (Федер, 1983, с. 15-37). Ряд близких по составу сборников был указан в последнее время И. В. Левочкиным (Левочкин, 1985, с. 373-378).

Производит впечатление тот факт, что значительная часть этих сборников энциклопедического характера происходит из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (об этом монастыре см.: Никольский, 1897[a]; Денисов, 1908, с. 583-585). В этом нет ничего удивительного. С его основанием в 1397 г. преподобным Кириллом Белозерским, монастырь очень быстро возрастает в экономическом, культурном и частично в политическом отношении. (Политическое первенство, конечно, принадлежало Иосифо-Волоколамскому монастырю, где выработались основные идеи русской церковной и общественой жизни). Монастырь поддерживал оживленные контакты с Новгородом и Москвой, с Троице-Сергиевой лаврой, с ближайшими монастырями (Ферапонтовым и Спасо-Каменным), с славянским югом. В Кирилло-Белозерском монастыре работали иконописцы (изографы) и зодчие из всех краев России (и особенно из Ростова и Москвы). Монастырская братия исповедовала идеи нестяжательства, а недалеко от него устроил свой скит постриженик монастыря Нил Сорский (хотя строго говоря, его идеи скорее всего можно связать с его путешествием на Афон и в Константинополь). Более холодными были отношения Кирилло-Белозерского монастыря с Волоколамским монасты-рем, но они определялись принципиальными разногласиями по церковным делам: об этом свидетельствует „Ответ кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого к великому князю Василию Ивановичу“ (ПЛДР, 1984, с. 360).

Приписка Олешка Ипалькина в рукописи 989 собрания М. Погодина, содержащей 16 слов Григория Богослова хорошо показывает, что часто в написании рукописных книг принимали участие книжники из различных монастырей. Согласно этой пространной и очень богатой фактами приписке, сборник 16 слов Григория Богослова привез от сербских земель монастырю. Книга находилась в этом русский монах Кассиан, который и подарил его Спасо-Каменному монастыре 40 лет и приблизительно в 1435 г. была перенесена в Кирилло-Белозерский монастырь. Там эту рукопись редактировали два монаха, приехавших из Троице-Сергиевой лавры (Симон Картмазов и Спиридон), а список с этой уже отредактированной рукописи сделал другой монах - Достофей, который **цѣломоудрена и жестока житиемъ и четца книгам изѣщна и писателя искоусьна.** Однако, Олешко Ипалькин сделал свой список прямо с отредактированного Симоном и Спиридоном списка. Таким образом, приписка Олешка говорит как о связях Спасо-Каменного монастыря с славянским югом (Сербией), и с Кирилло-Белозерским монастырем, так и

о контактах последнего с Троице-Сергиевой лаврой. Примечательно, что говоря о трудностях перевода, Олешко Ипалькин использует некоторые рассуждения Иоанна Экзарха из его Предисловия к переводу „Небес“ (**понеже wбрѣтает сє во иномь ıазыцѣ г҃лъ красенъ, а в дроүгѣмь некрасенъ**, что отвечает фразе Экзарха: **небонъ иже г҃лъ въ иномь ıазыцѣ красынъ, то въ дроүгѣмь некрасынъ** - подробнее об истории рукописи и о приписке Олешка: Иванова, 1977, с. 158-168; Ангелов, 1982, с. 24-25).

Действительно, в Кирилло-Белозерском собрании РНБ (насчитывающем ныне 1407 рукописей)[3] сохранился ряд уникальных списков произведений староболгарской литературы: Пространное житие Константина-Кирилла - (1/37 - XV в.); Изборник 1073 г. (5/1082, второй половины XV в. с упоменанием царя Симеона); Кормчая (415/1222, XV в.); „Шестоднев“ Иоанна Экзарха (1/126, XV в. - в этом списке болгарский владетель Симеон везде назван „царь“, а не „князь“), несколько списков „Азбучной молитвы“ Константина Преславского, старейший из которых помещен в сборнике Ефросина (22/1099); особая редакция Золотой цепи (10/1087, 1446 г.), „Беседа“ Козьмы Пресвитера (150/1227; XV в.) с упоменанием о том, что Иоанн Экзарх был автором монашеского наставления **Чернъцєм бѡ иꙁ монастыра, ни ис кѣлыа нѣсть полеꙁно исходити беспотребна времени**; 27 списков „Лествицы“ Иоанна Синайского, 7 списков „Пандектов“ Антиоха, 6 списков „Паренесиса“ Ефрема Сирина, сокращенная редакции Толковой Палеи (22/1099, XV в.), дело того же книгописца Ефросина и т. д. и т. д. В библиотеке монастыря имели свое место и 5 списков „Небес“ (21/1098, XVI в.; 86/1163, XVI в.; 106/231, XV в.; 126/251, 1621 г.; 127/252, XVII в.). В двух из них (21/1098 и 86/1163 в качестве 55 главы „Небес“ помещен трактат „О письменех“[4] Черноризца Храбра. В целом, кирилло-белозерские списки „Небес“ напоминают троице-сергиевских списков сочинения и это объясняется с тесными контактами между этими монастырями. Что касается связей с славянским югом как источника появления этих сочинений в России (и в частности - в Кирилло-Белозерском монастыре), то вряд ли эти контакты много-чего нам объясняют : связи с славянским югом, с Константинополем и Афоном поддерживали и другие русские книжные центры. Скорее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре существовал интерес к старине, который можно связать с именем основателя монастыря. Однако, интерес к старине определялся и другими, гораздо более важными причинами, которые надо искать в русской общественной жизни XV-XVI вв. Действительно, в этот период

[3] Согласно машинописной описи, Кирилло-Белозерское собрание насчитывает ныне 1413 рукописей (Библиотека, 1985; ср.: Дмитриева, 1968, с. 143-170).

[4] Об этих списках „О писменех“ см.: Куев, 1967, с. 231-234; Трендафилов, 1996, с. 224.

велась бескомпро-миссная борьба между различными духовными направлениями и ,в этой борьбе огромное место отводилось книгам. Красноречивым свидетель-ством этому является известное „Послание новгородского архиепископа Геннадия ростовскому епископу Иоасафу“ (1489 г.): В частности Геннадий пишет: „Да есть ли у вас в Кириллове или Ферапонтове или на Каменном книги: Селивестр папа Римскы, да Афанасей Александрийскы, да слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богомилю, да послание Фотея патриарха ко князю Борису Болгарскому, да Пророчьства, да Царьства, да Притчи, да Менандр, да Исус Сирахов, да Логика, да Дионисей Ареопагит. Зане же те книги у еретиков все есть“ (Казакова и Лурье, 1955, с. 132-146). Сам список книг достаточно показателен и в целом состоит из староболгарских богословских и полемических сочинений. Можно полагать, что в данном случае Геннадий был намерен присылать в указанные монастыри перечисленные книги, нежели приобрести их. Как бы то ни было, но книжники активизируют свои разыскания в монастырских библиотеках и переписывание древних текстов. Н. К. Никольский даже предполагал, что Описание рукописей Кирилло-Белозерской библиотеки являлось следствием послания архиепископа Геннадия к епископу Иоасафу (1897, с. VI). Аналогичные явления - интерес к энциклопедическим сборникам и к полемическим сочинениям - наблюдается и в литературе балканских славян. Там, во второй полов. XV в. Владислав Грамматик создает свои громадные сборники, в которых обнаруживается ряд общих с древнерусскими сборниками сочинений. В отличие от них, однако, южнославянский книжник делает акцент на антилатинские сочинения, так как этот регион был подвергнут мощной католической пропагандой; вместе с тем Владислав Грамматик работал в условиях турецкого ига, что также наложило свой отпечаток на его тематические предпочитания (см.: Данчев, 1969; Христова, 1996). В сборниках Владислава Грамматика мы встречаем такие сочинения как ЖК, „Шестоднев“Василия Великого, „Маргарит“ Иоанна Златоуста, произведения Киприана, Григория Цамблака и др. Характерная черта рукописей - это многочисленные глоссы, различные добавления, объяснения на полях. По-видимому, такое же отношение к тексту имели и другие южнославянские книжники и переводчики: перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита старца Исайи сопровождается двумя другими текстами - комментарием к Дионисию Ареопагиту и глоссами переводчика (Прохоров, 1987, с. 47-48). Глоссы очень характерны и для древнерусской рукописной традиции в XVI-XVII в., хотя их начало можно связать еще с деятельностью митрополита Киприана (Панченко, 1984).

Состав библиотек крупнейших русских монастырей в XV - XVI вв. свидетельствуют о повышенном интересе к полемическим, грамматическим и экзегетическим сочинениям. Эта тенденция нашла отражение не только в многочисленных списках „Небес“ (ведь сочинение Иоанна Дамаскина отвечало этим требованиям эпохи), но и в их литературном

окружении. Приведем соответствующий перечень сочинений, составляющих основное литературное окружение „Небес“ в XV - XVI вв.

1. ***Полемические сочинения:***

Прение Софрония, архиепископа иерусалимского с иудаистами - Волокол. 490; Кир.-Белоз. 86.

Слово Максима Грека на звездочетцев - Егор. 534.

Слово Максима Грека на армянское зловерие - Кир.-Белоз. 21.

Слово Максима Грека на Николая Немчина - Кир.-Белоз. 21.

Прение Афанасия Александрийского с Арием - МДА 23.

Вера и противление крестившихся иудеи в Африке - Синод. 156.

2. ***Грамматические сочинения:***

Грамматика меншая - Егор. 612.

Сказание о семи свободных мудростях - Егор. 612.

Лаодикийское послание - Кир.-Белоз. 21; Кир.-Белоз. 86.

„О письменех“ Черноризца Храбра - Кир.-Белоз. 21; Кир.-Белоз. 106.

Азбуковник - МДА 21; Кир.-Белоз. 86.

„Азбучная молитва“ Константина Преславского - Кир.-Белоз. 86.

Донатус - МДА 21; МДА 23.

Грамматические таблицы и отрывки из различных грамматических сочинений - МДА 21; МДА 23.

3. ***Экзегетические сочинения***

Пророки с толкованиями - Кир.-Белоз. 21; Кир.-Белоз. 86.

Толкование Ипполита Римского о тысячелетнем заключении дьявола - Синод. 156.

Толкование Андрея Кесарийского на Апокалипсис - Синод. 156; Погод. 1073.

4. ***Другие сочинения***

Похвала Богу Георгия Писиды - Егор. 125.

Царские сановники - Кир.-Белоз. 21.

Г. „Небеса“ в древнерусской письменности XVII в.

Рассмотрение этого вопроса требует более широкого культурного контекста, так как специфика деятельности книжных центров в Древней Руси претерпевает существенные изменения. Большую роль играют уже другие книжные центры - Печатный двор, патриаршие мастерские, Посольский приказ, провинциальные (региональные) книжные очаги. Следует особо отметить деятельность Московского печатного двора, который находился на распоряжении патриарха с второй половины XVI в. В основном там издавались богослужебные книги, но с 40-х годов XVII в. стали издаваться и светские произведения (Луппов, 1970, с. 28-33). Печатный двор, хотя и не вполне отражая всеобщий порыв к обновлению литературы (он имел непосредственно-практические задачи), все же создал необходимые условия для писательского труда почти в современном смысле этого понятия. Именно в Печатном дворе выросли такие образованные книжники и писатели как Епифаний Славинецкий, Сильвестр Медведев, дьяк Иван Тимофеев, Федор Поликарпов, соловецкий

инок Сергий Шелонин. В кругу сотрудников двора возникло одно из первых творческих объединений поэтов, известно как „приказная школа“ (Панченко, 1973, с. 35-63). Аналогичное явление наблюдается и в деятельности сотрудников Посольского Приказа. Большой вклад в литературный процес вносила и т. наз. „литература посада“, старообрядческая литература и региональные книжные центры (напр. - сибирские; см.: Ромодановская, 1973). Поэтому неудивительно, что в последней четверти века произошли и другие события, которые знаменуют новое отношение к науке и образованию. В 1685 г. в Москву приехали Иоанникий и Софроний Лихуды, с деятельностью которых связано не только основания Московской славяно-греко-латинской академии, но и появления греческих рукописей. Так например, в конце века Софроний Лихуд переписал в Москве сочинение Герасима Влаха „Толкование на перевод книги Богословия Иоанна Дамаскина“ (РНБ, греч. 633), потом была переписана (по всей вероятности - Софронием и Иоанникием) и вторая часть „Богословия“. (См.: Фонкич, 1994, с. 50-51; ср. Фонкич, 1977, с. 135). Обращение к греческому первоисточнику весьма показательно, так как указывает на новое отношение к тексту вообще. При этом необходимо заметить, что сам источник („Богословие“ Иоанна Дамаскина) - протолкован.

Однако, несмотря на бесспорные успехи в книгопечатании и в образовании, мы не можем утверждать, что в XVII в. древнерусская рукописная книга ушла на второй план в ценностной иерархии культуры. Если в большинстве европейских стран начало книгопечатания сразу нанесло удар по рукописной книжности, то особенностью истории русской культуры является тот факт, что это событие далеко не снизило роль рукописной книги в жизни общества. Рукописная книга стоила намного дешевле и сохраняла свою сакральную функцию и избирательность репертуара, тогда как книгопечатание в России было введено сверху, как государственное мероприятие и, печатный текст многократно проверялся опытными редакторами. По этой причине рукописная традиция в большей степени выражала новые явления, по сравнению с печатной книгой.

Новые явления имели место и в классическом репертуаре древнерусской книжности в составе монастырских библиотек. Это в полной мере относится и к „Небесам“ Иоанна Экзарха. Действительно, 40 из всех 75 рассмотренных нами списков этого сочинения относятся именно к XVII веку. При этом необходимо заметить, что одна треть из всех списков (13) происходит из библиотеки Соловецкого монастыря. Этот монастырь основан преп. Саввватием и Зосимой в 1426 г.; нельзя не отметить тот факт, что Саввватий был постриженикомом Кирилло-Белозерского монастыря. (Древнерусские монастыря - это настоящая духовная семья и тесная, генеалогическая связь между ними непрерывно возобновляла и поддерживала русскую духовность в эпоху Средневековья). В Соловецком монастыре имелось с самого его начала собрание книг,

однако создание монастырской библиотеки надо связать прежде всего с деятельностью его игумена Досифея Топоркова. Досифей долгое время был в Новгороде, и активно участвовал в работе Геннадиевского переводческого кружка. Следует иметь ввиду, что библиотека Новгородского Софийского собора является второй по времени возникновения из всех древнерусских библиотек - после основанной Ярославом Мудрым библиотека Киевской Св. Софии. Находясь в этой незаурядной культурной среде, Досифей хорошо использовал все возможности для создания небольшой по количеству, но разносторонней по составу библиотеки. Сохранились два списка этих книг, сделаны собственноручно Досифеем. Они относятся, соответственно, к 1493 и 1494 г. Вторая из них является более полной и в ней, в частности говорится что Досифей: „...дал (в библиотеку) книгу Козмю Просвитера, дал книгу Ивана Ексарха (речь идет о „Шестодневе“), дал книгу Палею Толковую ... дал книгу Дионисия Ареопагита“ (Розов, 1962, с. 297-298; Кукушкина, 1971, с. 370). Библиотека Соловецкого монастыря увеличивала свой фонд разными способами. Немало книг поступало в библиотеку как вымороченное имущество, так как значительная часть монахов имели личные библиотеки. Нибизынтересно заметить, что Досифей Топорков метил свои книги специальным знаком, который и является первым экслибрисом в истории русской книги. В этом отношении его примеру следовали и другие книголюбы - старец Сергий, игумен Яков и др. В конце XVI в. численность монахов (и, соответственно, читателей) в монастыре настолько увеличилась, что в монастыре уже практиковался книгообмен и „абонамент“ (коллективный и индивидуалный). Об этом говорят многочисленные пометы по рукописям: напр. „Казенны каноник - выдан на порядку (Солов. 375/355), или „Сия книга деется на прошение в братскую больницу (Солов. 926/816 - см. подробнее: Розов, 1962, с. 303-304). Заметный интерес соловецких монахов к книге нашел выражение и в высоком уровне их библиографической культуры. Только в XVI в. были составлены 6 описей рукописных книг, находящихся в монастыре (Кукушкина, 1971, с. 368-372; Турилов, 1977, с. 71).

Какое место занимал текст „Небес“ в достаточно широком и разнообразном по тематике и жанру репертуаре Соловецкой библиотеки? Известно, что монастырь был настоящим оплотом православия, факт, который нашел выражение в героической борьбе монастырской братии с правительственными войсками в период 1668-1676 гг. Соловецкий монастырь был взят воеводой И. М. Мещериновым только после предательства. Мещеринов и его стрельцы подвергли монастырь разграблению, при чем весьма примечательно, что сам воевода пытался увезти с собой 150 книг (Кукушкина, 1971, с. 367; Кукушкина, 1977, с. 15-25).

Вполне понятно, что в таком выдающемся центре православия, как Соловецкий монастырь, сочинения типа „Небес“ были достаточно популярным. И действительно, в Соловецком собрании РНБ числятся 13

списков „Небес“, 11 списков указаны в Описи Порфирьева, Красносельцева и Вадковского, один список (неполный) исследован А. Карповым (см.: Карпов, 1877, с. 108-118), и один отмечен в машинописном описании, хранящемся в Отделе рукописей РНБ. Мы ознакомились непосредственно с всеми этими списками, которые, к сожалению, не указаны ни в изданиях „Небес“, ни в современных библиографических пособиях, словарях и исследованиях. Соловецкие списки „Небес“ как бы не существуют для современного медиевиста. Между тем, в Описи Соловецкого собрания XIX в. они очень внимательно и с знанием дела описаны (см.: Порфирьев, I, с. 386-394). За исключением одного списка (249/307), все списки „Небес“ относятся к XVII-му веку и в большой степени связаны с деятельностью замечательного соловецкого книгописца и писателя, старца Сергия Шелонина. Сергий имеет свое место в истории древнерусской литературы, поэтому стоит сказать более подробно о его жизни и деятельности.

Сергий Шелонин (в мире Семен Михайлов) был московским подьячим, который принял пострижение в Соловецком монастыре в 1619 г. В период 1647-1648 г. Сергий был архимандритом Ипатьевского монастыря, затем вернулся в Соловецкий монастырь, где оставался в иноческом звании до своей смерти в 1667 г. Его назначение архимандритом первоклассного Ипатьевского монастыря на Костроме объясняется по-видимому тем обстоятельством, что Сергий Шелонин „был хорошо известен в Москве и что там его высоко ценили“ (Знаменский, 1882, с. 666-668). На Соловецках Сергий сам занимался книгописной деятельностью и руководил переписыванием книг. Он передал в библиотеку монастыря 31 рукописи и 6 печатных книг. В настоящее время обнаружено 24 рукописи, которые по приписям или по почерку атрибутируются Сергию (Кукушкина, 1977, с. 99).

В основном он переписывал богослужебные, дидактические, полемические и научно-познавательные сочинения. Следует отметить его списки с житий Василия Нового, Иоанна Дамаскина, Григория Синаита, Паисия Величковского, с патериков (Египетского, Азбучно-Иерусалим-ского, Синайского, Скитского, Киево-Печерского), с Пролога, Космогра-фии, Стоглава (Дмитриев, 1992, с. 118). Сохранилась Опись книг Шелонина, где отмечается список „Небес“: „Книга Небеса с осмаствем, да препис Афанасьево со Арием, да Ответы Афанасьеви ко Антиоху (здесь имеется ввиду нынешний Солов. 254 (312).

Среди рукописей преобладают в четверку, они очень часто украшены киноварной вязью, небольшими инициалами и чернильными заставками „старопечатного“ стиля.

В некоторых рукописях (как например в списках „Небес“) помещены рисованые изображения, которые являются делом Шелонина. Он любил вносить стилистические изменеия в текст, дополнял его риторическими формулами, изменял деление на главы и таким образом демонстрировал свой изящный литераурный вкус. Особенно сильно он подверг правке Космографию (Солов. 692). Высокий книгописный

профессионализм у Шелонина сопровождается настоящей любовью к книге и книжному труду и может быть она заставила его отказаться от высокой церковно-административной должности в Ипатьевском монастыре и вернуться к своим книгам. (Это - только предположение, так как причины ухода Сергия от должности достаточно неясны). Списки „Небес“ Шелонин обычно сопровождал многочисленными ссылками на источники и в этом нельзя не увидать книжника нового типа, книжника с новым отношением к тексту. Стремление отыскать источники, глоссировать основной текст, он очевидно усвоил во время своей работы в Московском печатном дворе. Списки сочинения Иоанна Дамаскина говорят о намерении Шелонина его издать. Таким образом, оставаясь в целом человеком православной традиции, Сергий, тем не менее стремился в некоторой степени реформировать монастырское книгописание, внося в него положительный опыт московского книгопечатания. (Дмитриев, 1992, с. 118-120). Для иллюстрации приведем начало первой главы „Небес“ ѡ бз҃ѣ. (Солов. 257/315, л. 91).

В тексте	На полях
Бг҃а никтоже видѣ никогдаже.	**Єг҃а. Їоа. Зач. в.**
Єдинnродныи сн҃ъ. свѣти внѣзрѣхъ ѿчихъ	**ї. а҃. посл. їап. бг҃.**
той исповѣда о немъ неизг҃ланноу бжество,	**й. а҃. тимоф. сп҃и.**
й недовѣдомо. никто же бо вѣсть ѿца,	**магарит, о непос**
разве сн҃ѣ ни сн҃а кто вѣсть, развѣ ѿц҃ь. И	**слов, д҃. є҃. ѕ҃. обж**
ст҃ыи дх҃ъ тако вѣсть все, ꙗко дша	**имє. глава. а҃.**
чл҃вка вѣсть еже есть вч҃вце. поперн҃ѣ же	**маф. мг҃. лук. нв**
и блжеми т҃ѣ естествѣ, неувѣде никто же	**тол. ѳ҃ру. м оули ра҃.**
николи же бг҃а. развѣ ему же той самъ	**а, кориф. ркz**
явися. не ѿ чл҃вкъ токмо, но и ѡ тѣхъ	**кирил. їерли. огла.**
самыхъ а гл҃ъ. обаче неостави насъ бг҃ъ в	**вї. зї**
конечнѣ невѣдѣни быти...	**тажє доро поу. а**

Очень часто на полях встречаются ссылки на Иоанна Экзарха (на „Шестоднев“, с указанием соответствующей главы), на „Шестоднев“ и другие творения Василия Великого, на „Оглашения“ Кирилла Иерусалимского, на слова Григория Богослова, Максима Грека, на Прение Афанасия Александрийского с Арием. Имея большой опыт в переписывании и редактировании рукописных и печатных книг, Сергий Шелонин (подобно другим справщикам, работавшим в Печатном дворе), создал и свои творения. В частности, он был автором двух житий, в основе которых лежали более ранние агиографические произведения:

1. Житие Иоанна и Лонгина Яренгских: Сергия, смиренного инока и пресвитера обители Пантократоровы сущаго Понта окияна на полунощной стране, иже на Соловецком отоце, сказание о чудесех святых праведных Иоанна и Лонгина, новоявленных Яренских чудотворцев (РНБ, Солов. 182). В этом житии старые сказания о Иоанне и Лонгине получили гораздо более канонический вид. Вместе с тем, однако, в житии заметно ощущается и своеобразная познавательная струя - Шелонин сообщает сведения о быте поморцев, дает прекрасное лирическое описание Белого моря. По мнению Л. А. Дмитриева, оно является „первым в русской литературе описанием морской стихии“ (Дмитриев, 1992, с. 112; ср. Дмитриев, 1973, с. 228-230). Следует отметить в этой связи, что интерес к пейзажу в XVII в. наблюдается и в русском изобразительном искусстве (См. Данилова и Мнева, 1959, с. 345-466).

2. Житие митрополита Филиппа: Сергия смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы, сущем Понта окиана, иже на полунощной стране, на отоце Соловецком, слово на перенесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа митрополита Московского и всея России чудотворца. Житие было написано в 1651 г. на основе старого соловецкого жития. Сохранился список-автограф Шелонина (Солов. 607/939), который - судя по многочисленным поправкам автора - был предназначен для переписывания. Однако списки в монастыре с этого автографа, видимо не делались. Необходимо заметить также, что в 1652 г. патриарх Никон приехал на Соловки, чтобы перенести мощи митрополита Филиппа. Помимо всего прочего, Никон вероятно ознакомился и с книгописной деятельностью старца Сергия, в результате Сергию пришлось работать еще 11 лет в Печатном дворе (1652-1663 г.).

Надо сказать, что в последние годы русское источниковедение внесло очень существенный вклад в изучение компилятивной, редакторской, интерпретаторской и писательской деятельности Сергия Шелонина. Был обнаружен и проанализиран новый рукописный материал, благодаря которому уже более отчетливо выделяется многостороная деятельность древнерусского книжника в области переводной литертуры. Он переписывал и редактировал Азбуковники, Патерики, назидательно-поучительные, богословские, естествено-научные сочинения (Левичкин, 1993, с. 85-88; Стафеева, 1994, с. 14-15; Стафеева, 1996, с. 61-65; Сапож-никова, 1998, с. 353-354). Более того, теперь можно назвать еще 10 оригинальных творений, принадлежащих Сергию Шелонину: 1) Канон с тропарем Иоанну Яренгскому; 2) Канон с тропарем Логгину Яренгскому; 3) Канон с тропарем общий обоим чудотворцам; 4) Служба на пренесение мощей митрополита Филиппа в Преображенский собор в 1646 г.; 5) Канон св. Филиппу; 6) Записка об обретении мощей св. Филиппа; 7) Канон Герману Соловецкому; 8) Канон с тропарем Трифону Печенгскому; 9) Канон с тропарем Варлааму Керетскому; 10) Сочинение из 8-ми тропарей (см.: Сапожникова, 1998, с. 340-355).

Итак, возвращаясь к теме о списках „Небес“ Сергия Шелонина, надо еще раз подчеркнуть что подготовляемое им издание его текста не осуществилось. Возможно этому помешала смерть Шелонина в 1666 г. и последовавшей за ней длительная осада монастыря. Неосуществленный замысел издания „Небес“ по-своему символичен: в литературе Московской Руси (частью которой несомненно является и соловецкая книжность) перевод „Богословия“ Иоанна Дамаскина остался на свое исходное начало. И полный перевод „Богословия“князя Андрея Курбского (получивший известное распространение в литературе Юго-Западной Руси в конце XVI - нач. XVII вв.) и полный перевод этого сочинения Епифания Славинецкого, изданный в 1665 г. не получили распространения в литературе Московской Руси в XVII в. Что касается XVIII в., то рукописная традиция „Небес“ почти прерывается и до нас дошли всего лишь 4 списка, при чем один из них (Соф. 1461) датируется рубежом XVII - XVIII вв. Сохранилось и небольшое количество списков с отрывками из сочинения. Старообрядческая традиция, которая в принципе относилась с большим уважением к древнейшим славянским переводам, сохранила всего один полный список „Небес“ (ИРЛИ при чем нельзя сказать категорически, что список действительно является старообрядческим) и несколько небольших извлечений в Усть-Цилемских сборниках (Малышев, 1960, с. 68). Вероятно, изложение догматов Иоанна Дамаскина, основано на античной-византийской логике не нравилось старообрядцам, которые интуитивно ощущали „еллинскую прелесть“. Аналогичным было и отношение старообрядцев к грамматике и риторике. Все, что было основано на правилах, возбуждало недоверие и подозрительность. (См. об этом: Успенский, 1988, с. 208-224).

Несколько изменилось и литературное окружение списков „Небес“ в период XVII - XVIII вв. Возрастает число повествовательных и исторических сочинений за счет уменьшения полемических; количество грамматических текстов остается таким же, каким оно было в XVI в. Отсутствие конвоя в соловецких списках „Небес“, как уже говорилось, объясняется тем фактом, что его текст готовился к печатному изданию. Перечень сочинений (или отрывков из сочинений) позволяет нам увидеть все изменения в литературном конвое „Небес“ - характер этого конвоя показывает в каком ключе древнерусские книжники читали сочинение Иоанна Дамаскина в XVII - XVIII в. Ниже мы приведем перечень сочинений, сопровождающих „Небес“ в списках этого периода.

1. ***Грамматические сочинения***

Лаодикийское послание - МДА, 22.

Грамматика меньшая - Новоспаск. 18.

„Описьменех“ Черноризца Храбра - Кир.-Белоз. 106; О.Р.99; Соф. 1461.

Азбуковник - Солов. 16/16.

2. ***Церковно-учительные сочинения***

Номоканон - Погод. 1077.

Лествица толковая - Q.XVII.25.

Вопросы Афанасия Александрийского к Антиоху князю - Солов. 254.
Германа Константинопольского о кресте и о иконах - Солов. 255.
Слово Дамаскина о святых иконах - Солов. 255.
О святой Троице - Соф. 1461.
Из сочин. Дионисия Ареопагита - Соф. 1461.
Пасхалия - Новоспаск. 18.
Слово Григория Богослова на Крещение - Щукин 67.
Слово на память Саввatия и Зосимы Соловецких - Солов. 250.

3. ***Повествовательные сочинения***

О рахманах - Q.XVII.25.
Из Физиолога - Новоспаск. 18.
Повесть о Варлааме и Иоасафе - Погод. 1076.
Хождение старца Арсения Суханова к святым местам - Эрмит. 409.
Казанская история - Эрмит. 409.

4. ***Исторические сочинения***

Краткий летописец - Эрмит. 409.
Хронограф в редакции 1512 г. - Соф. 1461.

5. ***Полемические сочинения***

Прение с Арием - Солов. 259; Новоспаск. 18.
Материалы Московского собора 1667 г. против Никона и никониан - Эрмит. 409.

Д. Некоторые выводы

Итак, на протяжении XII - XVIII вв. перевод „Богословия“ Иоанна Дамаскина („Небеса“) занимал в древнерусской рукописной традиции особое место. И это было далеко неслучайно - перевод удовлетворял требования образованного русского общества во многих отношениях.

1. „Небеса“ было основным источником догматических знаний.

2. Сочинение служило подсобным справочником древнерусским полемистам в борьбе с еретиками и в богословских дискуссиях.

3. Сочинение Дамаскина давало любознательному русскуму человеку многочисленные сведения о мире, природе и о месте самого человека в системе мироздания.

4. Рукописная традиция „Небес“ позволяет в некоторой степени реконструировать древнерусскую образованность и в частности, образованность в Московской Руси. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет именно об образованности, а не об образовании, систему которого пока очень трудно восстановить. Можно сказать, что „Небеса“ вместе с сопровождающими его сочинениями („Диалектикой“, „О восьми частях речи“ и ОФК)[5] сыграло роль догматического богословия. Мистическое богословие на Руси (после XIV в.) было

[5] В древнерусской литературой определенную роль сыграло и Предисловие Иоанна Экзарха к „Небесам“. В раннем периоде Предисловие сохранило свое первоначальное предназначение - оправдать теологическую адекватность перевода; в XV и XVII вв., однако, рецепция Предисловия приобрела лингвистическую направленность. (См.: Трендафилов, 1998, с. 305-313).

представлено корпусом сочинений Дионисия Ареопагита: Примечательно, что количество списков „Небес“ (80) и „Ареопагитик“ (около 70) в русской рукописной традиции почти совпадает и это, на наш взгляд, говорит о существовании определенной системы (так сказать - неофициальной) богословской образованности. Что касается практического богословия, то можно полагать, что в литературе Древней Руси оно представлялось прежде всего сборниками типа Изборника 1073 г. и Изборника 1076 г. и их потомками, т. е. энциклопедическими сборниками типа Погод. 1032, Синод. 316; Епарх. 367; Мелец. м./п. 119, Кир.-Белоз. 10/1087, Кир.-Белоз. 22/1099 и др. В этих сборниках, по правилу, включались (иногда значительные) отрывки из „Небес“. Конечно, свое место в практическом богословии имели и такие сборники как „Златоструй“, „ Измарагд“, „Золотая цепь“, но именно Изборники (1073 г. и 1076 г.) в силу своей систематичности оказались гораздо более подходящими для подготовки монахов и проповедников. Все эти уровни монастырской образованности (догматический, мистический и практический) изучались и усваивались исключительно путем индивидуального келейного чтения, а не путем школьного обучения. Во всяком случае, списки „Небес“, „Ареопагитик“ и сборников практическо-богословского характера находятся во всех основных российских монастырских рукописных собраниях.

И полные списки „Небес“, и извлечения из его текста в составе различных сборников, создавали благоприятную почву для создания древнерусских оригинальных догматических и полемических сочинений, или по крайнем мере, они могли быть использованы для обоснования определенных догматических взглядов или для изложения естественонаучных представлений.

И в самом деле, наблюдения над рядом древнерусских оригинальных литературных памятников подтвердили эту мысль (Трендафилов, 1998[а], с. 85-118).

ЛИТЕРАТУРА

Амфилохий 1876: архим. Амфилохий. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М.

Ангелов 1982: Ангелов, Б. Ст. Няколко текстологически наблюдения. В: Руско-балкански културни връзки през Средновековието. Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София.

Библиотека 1985: Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. Опись. Л. (машинопись).

Буланин 1990: Буланин, Д. М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. - ТОДРЛ, XLIV, Л.

Буланин 1991: Буланин, Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. München, (Slavistische Beitrage, 278).

Вайер 1969: Weiher, E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden (MLS, VIII).

Вздорнов 1980: Вздорнов, Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII - нач. XV вв. М.

Гаврюшин 1986: Гаврюшин, Н. К. О ранних списках славянорусской „Диалектики“. - Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 45. М.

Гаврюшин 1988: Гаврюшин, Н. К. Митрополит Даниил - редактор „Диалектики“. - ТОДРЛ, XLI, Л.

Горский, I-II: Горский, А. В. Историческое описание свято-Троице Сергиевой лавры. Ч. I-II., М., 1890.

Данилова и Мнева 1959: Данилова, И. Е., Мнева, Н. Е. Живопись XVII в. В: История русской живописи. М.

Данчев 1969: Данчев, Г. Владислав Граматик - книжовник и писател. С.

Денисов 1908: Денисов, Л. А. Православные монастыри Российской империи. М.

Дмитриев 1973: Дмитриев, Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.

Дмитриев 1992: Дмитриев, Л. А. Сергий Шелонин. - ТОДРЛ, XLV, Спб.

Дмитриева 1968: Дмитриева, Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. - ТОДРЛ, XXIII, Л.

Дмитриева 1972: Дмитриева, Р. П. Четьи сборники XV века как жанр. - ТОДРЛ, XXVIII, Л.

Дмитриева 1974: Дмитриева, Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. - ТОДРЛ, XXVIII. Л.

Знаменский 1882: Знаменский, П. Сергий Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века - Православное обозрение. М., 1882 (февраль и апрель).

Иванова 1971: Иванова, К. За началото на славянската писменост. Цикъл сведения в средновековната руска книжнина. - Литературна мисъл, XV,N 1.

Иванова 1977: Иванова, К. Историята на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в. В: Българо-руски литературни връзки през средновековието. (Старобългарска литература, 2).

Иванова 1979: Иванова, К. За Хилендарския препис на Първия Симеонов сборник. Старобългарска литература, 5.

Иванова 1986: Иванова, К. Значението на хилендарските ръкописи за изучаването на средновековната българска книжнина. - КМС, III, С.

Ильинский 1917: Ильинский, Г. А. Кто был Черноризец Храбр. Византийское обозрение, III. Юрьев.

Каган, Понырко и Рождественская 1980: Каган, М. Д., Понырко, Н. В., Рождественская, М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. - ТОДРЛ, XXXV, Л.

Казакова, Лурье 1955: Казакова, Н. А., Лурье, Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI веках. М.-Л.

Калайдович 1824: Калайдович, К. Ф. Иоанн, екзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий. М.

Карпов 1877: Карпов, А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей. Казань.

Климент Охридски III: Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. III. Пространни жития на Кирил и Методий. С., 1973.

Копреева 1976: Копреева, Т. Н. Русские сборники энциклопедического состава XV-XVII вв. и славяно-русское Возрождение (некоторые наблюдения над типологией жанра по сборнику 1032 из Погодинского собрания). - Книга N 32, М.

Копреева 1980: Копреева, Т. Н. Из истории болгаро-русских книжных связей (К истории взаимосвязи изборников 73 и 76 г. - Palaebulgarica, IV, N 1.

Копреева 1983: Копреева, Т. Н. Неизвестные отрывки из „Богослонвия“ Иоанна Дамаскина в списке XV в. - Palaebulgarica, VII, N 4.

Копреева 1996: Копреева, Т. Н. Немеркнущий свет. Из истории книжны связей Болгарии и России XI - начало XIX веков. Велико Търново.

Куев 1976: Куев, К. Черноризец Храбър. С.

Кукушкина 1971: Кукушкина, М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XV в. - Археографический ежегодник за 1970. М.

Кукушкина 1977: Кукушкина, М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI - XVII веков. Л.

Левичкин 1993: Левичкин, А. Н. Соловецкий книжник Сергий Шелонин как лексикограф. В: Российское государство XVII - нач. X вв.: Экономика, политика, культура. Екатеринбург.

Левочкин 1985: Левочкин, П. В. Изборник Святослава и русские сборники XV - XVII вв. - ТОДРЛ, XL, Л.

Луппов 1970: Луппов, С. П. Книга в России в XVII веке. Л.

Малышев 1960: Малышев, В. П. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сытывкар.

Никольский 1897: Никольский, Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб.

Никольский 1897[a]: Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397-1625). Т. I., вып. 1. СПб.

ПЛДР 1987: Памятники литературы Древней Руси. М.

Панченко 1973: Панченко, А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л.

Панченко 1984: Панченко, А. М. Русское скоморошество и „философическая география“ книжной страницы эпохи митрополита Киприана. Литературна история, 12, С.

Порфирьев, I: (Порфирьев, И. Я., Вадковский, А. В., Красносельцев, Н. Ф.) Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. I. Казань.

Прохоров 1987: Прохоров, Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV - XV веков. Л.

Ромодановская 1973: Ромодановская, Е. К. Русская литература в Сибире первой половины XVII в. Новосибирск.

Розов 1962: Розов, Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель Досифей. - ТОДРЛ, XVIII, М.-Л.

Розов 1969: Розов, Н. Н. Старейший болгарский „Изборник“ и его русская рукописная традиция. - Изв. АН СССР, Серия литературы и языка. т. 28, вып. 1.

Садник, I: Sadnik, L. Des hl. Johannes von Damaskus „Εκδεσις ακριβης της ορδοδοξον πιστεως“ in der Übersetzung des Exarchen Johannes. T. I. Wiesbaden (MLS, V).

Сапожникова 1998: Сапожникова, О. С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергия Шелонина. В: Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894-1994). Спб.

Стафеева 1994: Стафеева, О. С. Редакторская деятельность соловецкого книжника Сергия Шелонина. В: Судьбы отечественной словесности XI-XX вв. Тезисы докладов. Спб.

Стафеева 1996: Стафеева, О. С. Труд соловецкого книжника (о Патерике Алфавитном Сергия Шелонина). В: XXX научная конференция молодых специалистов. Спб.

Трендафилов 1994: Трендафилов, Х. П. „Богословие“ Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси: Диссертация на соискание ученой степени д.ф.н. М. (машинопись).

Трендафилов 1996: Трендафилов, Х. Новые списки „О письменах“ Черноризца Храбра. - Епископ-Константинови четения. 2: май 1995 г. Шумен.

Трендафилов 1998: Трендафилов, Х. Предисловие Иоанна Экзарха Болгарского к переводу „Богословия“ (Небеса) Иоанна Дамаскина в древнерусской рукописной традиции. В: Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. М. Мошина (1894-1994). Спб.

Трендафилов 1998[a]: Трендафилов, Х. „Богословие“ Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского (Небеса) и оригинальные произведения древнерусской литературы XI - XVI вв. - Преславска книжовна школа. Т. 3. Шумен.

Турилов 1977: Турилов, А. А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек XV - XVII в. - Советское славяноведение, N 1.

Успенский 1988: Успенский, Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI - XVII вв.). В: Литература и искусство в системе культуры. М.

Федер 1982: Федер, У. Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы. - Palaebulgarica,VI, N 3.

Федер 1983: Veder, W. The „Izbornik“ of John the Sinner: A Compilation from Compilatyon. - Полата книгописьная, N 8.

Флоренский 1991: Флоренский, П. А. Троицко-Сергиевская лавра и Россия. В: Флоренский, П. А. У водоразделов мысли. Новосибирск.

Фонкич 1977: Фонкич, Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: Греческие рукописи в России. М.

Фонкич 1994: Фонкич, Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. В: Книжные центры Древней Руси XVII в.: Разные аспекты исследования. Спб.

Христова 1996: Христова, Б. Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново.

Шевченко 1991: Шевченко, Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов монастыри). В: Книжные центры Древней Руси XI - XVI вв. Спб.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРАН - Библиотека Российской академии наук (Санкт Петербург)
ГБЛ - Государственная библиотека им. „В. И. Ленина“, днес - РГБ (Москва)
ГИМ - Государственный исторический музей (Москва)

ИРЛИ - Институт русской литературы (Санкт Петербург)
КМС - Кирило-Методиевски студии (София)
РГАДА - Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ - Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ - Российская национальная библиотека (Санкт Петербург)
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы
MLS - Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes